

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Евгения Щепетнова
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

НИЩИЙ
НИЩИЙ. ДИКИЕ ЗЕМЛИ

МАНАГЕР

«ИСТРИНСКИЙ ЦИКЛ»

ЛЕКАРЬ

МАГ

Евгений ЩЕПЕТНОВ

МАНАГЕР

Роман

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство А.ПЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Щ56

Серия основана в 2004 году
Выпуск 439

Художник
И. Воронин

Щепетнов Е. В.

Щ56 Манагер: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 345 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1317-1

Ты менеджер по продажам в компьютерном салоне, у тебя спокойная тусклая жизнь... И вдруг — планета джунглей, рабовладельцев и разумных деревьев! Хочешь жить тысячу лет? Хочешь быть могучим воином, шаманом-колдуном, освободить рабов и наказывать злодеев? Тогда тебе сюда, на планету Машрум! Только вначале придется валить лес в рабских лагерях, бегать по джунглям, спасаясь от врагов, учиться в племени лучших воинов этого мира... Тебе предстоит преодолеть много трудностей и бед, но ты со всем справишься, потому что ты — герой!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1317-1

© Щепетнов Е. В., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ГЛАВА 1

Я с трудом разлепил веки и застонал: ужасно болела рука, тело чесалось и зудело. В глазах как будто мелькали тучи мошек, которые кружились так, что меня начинало тошнить. Я повернулся на бок, и меня вывернуло. Голова немного очистилась, и я стал осознавать, что здесь что-то не так: где речушка, возле которой мы разместились, выехав всем коллективом на майские посиделки? Первое мая — дело святое. Как не выехать на природу и не напиться всем коллективом во славу будущих продаж комплектующих! А также, параллельно, не потискать свою соседку по офису Аньку — ее стол стоит рядом, всего в метре от моего. Она так-то вполне благосклонно посматривает на меня — хотя, может, это мне и кажется. Я не отличаюсь особым «мачизмом»: рыхловатый, не очень высокий парень — рост под метр восемьдесят (а точнее, увы, сто семьдесят пять) и вес под сто килограммов (причем двадцать из них, как минимум, приходится на жирок и пивной животик) — двадцати пяти лет от роду, с подслеповатыми глазами. Мне даже справку на право вождения машины не выдали, сволочи, заявив: как, мол, с таким зрением водить машину?

За четверть века моей спокойной и скучной жизни у меня была всего одна женщина, да и та — менеджер с нашей работы, на десять лет старше меня, у которой неистребимо пахло изо рта табаком. Ей после развода требовался мужик, хоть какой-то, пусть даже он будет таким дрябленьким и лоховитым, как я.

Как я дошел до такой жизни? А как все доходит? Спокойная семья, где отец инженер, а мама инспектор в собесе. Школа, потом институт, физмат, по окончании которого

пристроился менеджером по продаже в крупную фирму, торгующую компьютерным железом. Зарплата недурная, думать особенно не заставляют, по-тихому можно поболтать по аське с друзьями, после работы пивка попить и в ролевик погонять — тут я уже просто зверь, фулл золотые доспехи, рву всех, в консте состою. Ну а личная жизнь... А что личная жизнь — или мечты, или порносайт, или тридцатипятилетняя баба с запахом табака, — а что еще может позволить себе небогатый бесперспективный парень из приличной семьи?

Ой! Какая-то здоровенная крылатая сука ужалила меня в шею. Что за хрень? Где я?

Мы набрали пива, водяры и все, двадцать человек, загрузились в пять автомобилей. Через два часа, пробившись через потоки «леммингов», выдвигавшихся на дачу, мы уже мчались по трассе, уносившей нас к светлому будущему — шашлыку, солнцу, речушке Клязьме, тихо несущей свои слегка опоганенные дачниками воды к своей сестре Оке. Купаться в якобы пьяном бессмысленном состоянии, прижимать к себе упругие тела офисных красоток, играть в дурацкий волейбол — терпеть его не могу — вот наше счастье на ближайшее время.

Все развивалось так, как я и ожидал: менеджеры быстренько перепились, девки визжали, потрясая обтянутыми купальниками сиськами, парни напрягали накачанные в спортзале мышцы, а я, стыдясь дряблых телес, бежал в резиновых шлепках, слаксах и толстовке с капюшоном. Не то чтобы я был совсем уж уродом — несмотря на свою полноту и категорическое нежелание проводить время в спортзале, я был довольно силен, отец говорил, что это я в прадеда, кузнеца из станицы Добринской, что на Дону, — но по сравнению со спортивными загорелыми коллегами я смотрелся как плюшевый медведь с вытертым ворсом — большой, но... хм... облезлый какой-то. Моя старшая подруга говорила, что я слишком уж к себе придиричив и мне не хватает уверенности — мол, не такой уж я и лох, как о себе возомнил, но я ничего не мог с собой поделать — ну вот такой, какой я есть. Раскрепощался я, лишь выпив пивка, литра эдак три-четыре — как ни странно, выпить я мог очень много и даже не па-

дал с ног, только потом блевал с похмелья и долго болел. Читал про это в Сети: типа особенности организма такие, мои тела долго сопротивляются отравлению алкоголем, и не пьянею я поэтому, но потом наступает возмездие — трясет по полной. Не знаете, что такое «вертолет»? Тогда расскажу. Это когда вы ложитесь на постель, закрываете глаза, а кровать встает вертикально и начинает вращаться, все ускоряя и ускоряя движение, пока не наступает разрядка — в тазик рядом с кроватью. Брр... как подумаешь, так дурно делается... вот как сейчас, под этим здоровенным деревом.

Деревом? Это что на хрен за дерево?! Его высота не меньше чем метров двести! Это на Клязьме-то? Да там выше осин ничего не растет! А на любой такой осине даже Иуда бы не повесился, так как она сразу бы сломалась пополам!

Я приподнялся, сел, оперся спиной о корявый ствол дерева-гиганта и осмотрелся. Впереди зеленела гладь то ли болота, то ли пруда, поверхность которого была затянута огромными зелеными листьями какого-то плавучего растения. Вокруг, в неярком зеленоватом свете, пробивавшемся через густые кроны деревьев, стояло и лежало очень много восхитительных ярких цветов — если бы не болела башка и не хотелось бы блевать, я б залюбовался такой красотой. В воздухе носились в огромном количестве какие-то то ли насекомые, то ли птицы. Я не мог понять, кто это, потому что размером они были с кулак и даже больше, при этом сверкали всеми цветами радуги и издавали странные звуки — гудели, как шмели, стрекотали, как кузнечики, пищали и кричали. Одно из этих ярких изумрудно-зеленых существ нацелилось на венчик красивейшего цветка, диаметром с крупный подсолнух, зависло над ним — видимо, пытаясь напиться нектара. Я протер свои заляпанные грязью очки о толстовку, надел и вздрогнул — цветок неожиданно ожил и с различимым даже отсюда хлопком, как будто ребенок хлопнул в ладошки, схватил этого любителя сладкого и тут же замер, сжавшись в тугой комок.

Опа, подумал я, это что-то вроде росянки, что ли... я о такой пакости в наших широтах и не слыхивал. Здоровенный какой цветочек... Похоже, я где-то в джунглях. Южная Америка или Африка? А как же я тут оказался? Меня напоили,

усадили в самолет, как в фильме Рязанова, и заслали в джунгли Южной Америки? Фу, бред какой... А это — не бред? Вот эти хищные цветы, размером с тарелку, вот эти деревья, высотой с Эмпайр-стейт-билдинг, эти летающие светофоры? Все это явно не пригородный лес! Как я тут оказался?

Итак: мы ели, пили, скакали, визжали, потом я собрался в кустах охватить любовью Катю Миханькову — ну, типа трахнуть ее, пока она поддатенькая и благосклонная, и мы полезли в кусты подальше от всех. Катька шагала неохотно, приговаривая, что пока мы тут ползаем, там весь шашлык кладовщики сожрут, а они парни прожорливые и бесстыжие, однако шла со мной, вернее, тащилась — все-таки мои сто килограммов и энергия желания, подогретая алкоголем и двухнедельным воздержанием, делали чудеса.

Я пер сквозь заросли крапивы и смородины как танк, остановившись лишь на небольшой полянке, покрытой слоем прошлогодней травы и новой зелени, пробивавшейся сквозь этот войлочный слой. Прижав к себе податливую, пахнущую водкой и шашлыком Катьку, я впился в ее губы, не обращая внимания на ее попискивания: «Вот ты медведь! Кто бы подумал! Осторожнее! Лифчик порвешь, зараза, он стоит столько, сколько ты ни фигу не зарабатываешь! Да нерви, скотина! Я сама сниму их! Тьфу, связалась с озабоченным пацаном! Ой! Что это?! Да стой ты, болван, глянть — шаровая молния, что ли? Да черт, остановись ты, отстань!»

Она пихнула меня в грудь кулаками, тяжело дышащего и стоявшего уже со спущенными штанами, и с удивлением и испугом вперилась во что-то за моей спиной.

Я с досадой натянул обратно на чресла свои слаксы и с неудовольствием повернулся, чтобы рассмотреть эту погань, которая помешала воссоединению разнополых менеджеров великой фирмы «АРРО». Было желание просто разорвать эту помеху — видимо, спермотоксикоз вкупе с алкоголем сделали из меня берсерка, — но рвать оказалось некого. Более того, объект, который появился поблизости, совсем не вызывал желания находиться с ним рядом.

Я не понимал, что это. На шаровую молнию — ну, как их описывают в литературе и рисуют на картинках — оно мало

походило. Впрочем, я за свою жизнь еще не видал ни одной шаровой молнии, так что сказать ничего по поводу их вида не могу. В общем, это был шар с зеркальной поверхностью, в которой отражались наши искаженные и глупые лица, он переливался радугой, сверкал и был настолько чужд — и по виду, и по ощущению чего-то неуловимо неземного — окружающей нас природе, что становилось ясно: эта штука совсем не с Земли, не из этого мира.

Потом я долго думал: что же это такое было? Спрашивал ученых, мудрецов, но никто так и не смог дать мне ответ или хотя бы определить природу этого явления. После многолетних размышлений я пришел к выводу, что два мира, наш и Машрум, каким-то образом соприкоснулись, как будто произошел сбой. В чем заключался этот сбой? Да кто же знает! Я же компьютерщик, так что могу только размышлять как менеджер по продаже «железа»: сбой, и все тут! В общем, образовался пространственный пузырь, дырка, причем в тот самый момент, когда я уже был близок к великой цели этого дня — сексу с Катькой.

Следующим моим шагом стал подвиг — типа спасение прекрасной дамы. Если быть честным, эта «дама» стояла на пути моего спасения, с противоположной стороны от этого хренова пузыря (он был порядка полутора метров в диаметре), который не так уж и медленно двигался в нашу сторону с явно недобрыми намерениями. Чтобы спастись, мне надо было в первую очередь преодолеть барьер в виде стоявшей как истукан с открытым ртом Катьки, прижимавшей скомканный лифчик к голой груди. Я задержался на долю секунды, толкнул Катьку, послав ее, как мяч для регби (вроде бы он называется «дыня?»), вперед. Этой доли секунды хватило, чтобы сфера коснулась моей спины.

Меня завертело, закружило, как кровать-вертолет после попойки, и я потерял сознание. В общем, похоже, что я совсем не в Южной Америке и не в Африке, а... я даже боялся сознаться, где я мог оказаться. Конечно, я прочитал множество книг про попаданцев, про великих магов и воинов, каковыми становились, по определению, все земляне, угодившие в параллельные миры, но что-то как-то не чувствовал в себе великих магических сил. Все, что я ощущал в тот мо-

мент, это какую-то тварь, которая ползла по моей ноге, да впившийся в шею кусок коры дерева-великана, в руку... Ай, тварь мерзкая! Я раздавил на руке здорового комара, величиной с фалангу пальца, раздувшегося от моей крови. Кровь брызнула, залила мне руку, и на нее с жужжанием, похожим на звук вентилятора, набросилось еще несколько этих тварей, привлеченных запахом. Я яростно замахал руками, разгоняя кровососов, сбил в полете нескольких и увернулся от какого-то жука величиной с мой кулак, тоже собиравшегося полакомиться моей сладкой, вскормленной на газировке и бутербродах кровью.

Видя, что кровососов становится все больше, я вскочил на ноги и помчался прочь от этого места, выбирая дорогу посуше. Вскочил и помчался — сказано громко. На самом деле я с трудом поднялся, хромая и накренясь, и заковылял, как подбитый истребитель времен Второй мировой войны.

Кровососы вроде как отстали, но тут новая напасть... Сердце мое едва не выпрыгнуло из груди, когда я неожиданно наткнулся на тех, кто, собственно, и владел этим миром: передо мной стояли три человека — выше меня ростом, черноволосые, похожие то ли на тайцев, то ли на японцев, то ли на индейцев майя. Они ошеломленно смотрели на меня, как бы не веря своим глазам. Ну, я бы тоже не поверил своему зрению, если бы возле речки Клязьмы встретил человека в набедренной повязке, шлеме, панцире и с копьём в руках.

Я остановился, тяжело дыша, и в голове мелькнула дурацкая мысль: «А может, они сейчас брякнутся на колени с криками «Кетцалькоатль! Кетцалькоатль!»? Вот было бы здорово! Это решило бы много, очень много проблем».

Однако я всегда был неудачником — и когда шел в школу, и меня обдавал грязью проезжающий автомобиль, и когда разбил папину вазу, преподнесенную ему за ударный труд, и когда вместо Катькиной теплой любви получал в спину портал между мирами. Вот и на сей раз один из этих типов отдал резкий отрывистый приказ, и второй — тот, что был с копьём, — врезал оным мне прямоком по тому месту, которое ранее прельщало Катьку.

Я выругался матом и свалился на землю, задыхаясь от боли и скорчившись, как зародыш в животе матери. Эти

придурки засмеялись, один из них сказал что-то в мой адрес, наверное, очень веселое, после чего они заржали еще громче. Затем тот, у которого на поясе я заметил что-то вроде длинного ножа или меча, подошел ко мне, схватил за волосы и, оттянув голову назад, приложил к шее свой клинок с очевидной целью лишить меня вместилища разума.

Так бы оно и случилось, если бы их командир не прикрикнул на него, остановив, и не подошел ко мне. Он посмотрел на мое небольшое и многострадальное тело, пнул его в бок и что-то сказал. Я ничего не понял. Тогда второй опять схватил меня за волосы и потащил вверх, после чего я вынужден был подняться на колени, а потом на ноги. Со стороны, наверное, это выглядело комично — этакий микро Пьер Безухов стоял на цыпочках перед возвышающимся, как гора, смуглым худым дикарем, держащим его за хвостик волос.

Надо сказать, я волосы свои отрастил довольно большой длины, так что они легко складывались в хвостик сзади — такой, как у пленивших меня солдафонов. (А кем же еще они могли быть, если обвешаны оружием и ведут себя как солдафоны?) Предводитель что-то с презрением сказал, и держащий меня солдат взмахнул своим мечом. Ну, тут я решил — мне конец! Однако конец наступил только моему длинному хвосту из волос, полетевших в грязную лужу под деревом. Волосы, что сохранились на голове, рассыпались в разные стороны, и некоторое время я ничего не видел... до тех пор, пока не лишился и этих остатков, срезанных почти под корень злостным «парикмахером». Процедура стрижки завершилась минут через пять — я не видел себя в зеркале, однако предполагал, что зрелище это было жалкое и отвратительное...

Меня ткнули в спину древком копья, и я зашагал вперед, сопровождаемый смехом и разговорами мучителей. Прислушиваясь к их речам, я пытался понять, что это за язык, есть ли в нем какие-то знакомые выражения или фразы, ведь я много читал о том, что параллельные миры время от времени общаются между собой, так что не следует исключать, что и народы как-то роднятся с теми, которые были и есть на Земле. А я все-таки знал английский язык, еще изу-

чал немецкий и испанский — так, по приколу, чтобы материть противника в ролевой игре на их родном языке, — и вот теперь подсознательно искал знакомые слова в их речи. Но нет, язык был совершенно мне незнаком.

Через полчаса ходьбы по еле заметной тропинке мы вышли к опушке леса, за которой был виден лагерь типа концентрационного или же просто зоны, каких много на севере, — этакий ГУЛАГ со всеми его атрибутами: вышки, солдаты на них, ворота, высокие заборы и толпы заключенных. Впрочем, не сказал бы, что там наблюдались толпы, — лагерь был огромный, но заключенных в нем оказалось не очень много, они что-то перетаскивали, перекатывали, суетились. Все они были обнаженные, только в набедренных повязках, смуглые... и не очень. С удивлением я увидел людей, смахивающих на меня, — русоволосых, довольно высоких, с более бледной кожей, не от природы темной, а загоревшей на солнце.

Наша странная процессия заинтересовала всех, даже заключенных (или рабов? Скорее всего, рабов, какие к черту заключенные). Они остановились и заворуженно смотрели на нас. Мои сопровождающие гордо и надменно прошли мимо голых рабочих, подталкивая меня вперед, и остановились перед высоким смуглым мужчиной в украшенных стекляшками (или настоящими драгоценными камнями) доспехах.

Он отрывисто спросил у них что-то. Типа, что за чучело вы привели? Старший ответил, начальник пренебрежительно сплюнул, кивнув на меня, старший опять в чем-то стал его убеждать и подтолкнул меня к лежащему рядом бревну толщиной сантиметров тридцать, показывая жестами: подними, мол, и положи на плечо.

Подумав немного, я решил, что лучше бревно на плечо, чем мечом по шее, подошел к бревну, поднял его и взвалил на себя. Все вокруг радостно закричали, старший развел руками, как дрессировщик на арене, а главный хмыкнул, чего-то сказал и кивнул. Похоже, что меня продали.

Старший дал мне пинка, придавая направление движения, и я потащился в центр огромного периметра — видимо,

там было что-то вроде рабских казарм или бараков заключенных, я так до конца и не разобрался, «кто есть ху».

Казарма оказалась длинным помещением с сотнями, а может, тысячами нар, сколоченных из грубо обработанных досок, на которых лежали тюфяки, вероятно набитые соломой. Одеяд, похоже, не полагалось, да и какие одеяла в такую жару, температура приближалась к тридцати градусам — понятно, почему тут все бегают голышом.

Возле входа вытянулись столбами с десятков обитателей казармы — то ли дежурных, то ли постоянных, этаких завхозов, и старший что-то приказал им, после чего двое сорвались с места и побежали вглубь помещения. Мне же, снова жестами, было приказано раздеться догола, что я и сделал, под заинтересованными взглядами рабов. Все, что я снял, тут же было реквизировано старшим воином. Так-то мне было наплевать, если не думать о том, что он забрал и очки, а без этих стеклышек я был практически беспомощен — не видел дальше десяти метров, вернее, видел, но без деталей — туманные фигуры, и все.

Убежавшие рабы вернулись, держа в руках какие-то тряпки, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся набедренной повязкой, такой же, как у них, только еще более затрепанной. Впрочем, ее, хоть плохонько, но все-таки стирали — по крайней мере, она не воняла, и то ладно.

Я стал прилаживать к себе эту повязку, но долго не мог понять, как же она крепится и как ее наматывать, потом сообразил: это просто два болтающихся спереди и сзади куски ткани, никак не скрепляющихся между собой, а просто соединенных веревочкой, завязываемой на поясе. Почему-то я думал, что эти куски еще и снизу, между ног, крепятся или завязываются, чтобы любой ветерок не мог обнажить то, что нравилось Катьке... иногда. Однако нет — просто тряпочки на бедрах, и все.

Старший хмыкнул, глядя на мои потуги одеться, и вышел из казармы. Я остался один, если не считать десятка туземцев, дружелюбно и не очень взирающих на меня. Один из них, думаю, казарменный старшина, махнул мне рукой — следуй за мной! — и пошел вдоль барака.

Скоро я узнал, что мое место не так чтобы у параша, но и не очень далеко от нее... в общем, фигурально, мне сразу указали, что мое место в этом мире — очень, очень низко, ниже первой ступени социальной лестницы.

Моя лежанка была на третьем ярусе, где довольно жарко и душно: казармы вентилировались из дверных проемов, и горячий спертый воздух поднимался вверх. Само собой, все верхние места занимали самые слабые и униженные в социальном отношении типы, к коим сразу причислили такого увальня, как я.

Я горько усмехнулся: придется пробиваться с самых низов, раз сюда попал. И первое, с чего надо будет начинать, — язык. Без языка нет информации, а без информации — гибель. Что-то, а это я понимал, как никто другой, — все-таки компьютерщик как-никак. Жаль только, что не спецназовец, и не боксер, и не... да мало ли еще кто «не» — теперь надо использовать то, что даровала мне природа, а именно — силу. Я совсем не был слабаком, хотя и испытывал отвращение к физкультуре. Крепкий костяк достался мне от прадеда-кузнеца, в юности все уговаривали меня заняться борьбой, классической или вольной, но я отказывался.

Лежа на своей убогой лежанке на третьем этаже, под самой крышей, я размышлял обо всем, что со мной произошло, и пока не находил в своих действиях ошибки — все было сделано правильно: я жив, здоров, ну а дальше посмотрим.

Кое-что мне показалось странным: я очень легко залез на свое место на полке, да и эта демонстрация с бревном, которое я поднял, — как-то уж очень свободно я его поднял. Мозг напряженно поработал и выдал результат — сила тяжести на этой планете была минимум на сорок процентов меньше, чем на Земле. Поэтому я двигался тут быстрее и был сильнее аборигенов. Кстати, я не видел среди них ни одного толстого человека — или генотип у них такой, или условия жизни, но что есть, то есть — толстых тут не было. То-то они с отвращением взирали на мои тела — с их точки зрения, я был совершеннейший урод... с моей точки зрения — тоже. Никогда не считал себя красавцем...

Итак, я, по меркам туземцев, силен, как медведь, и очень выгодное приобретение. Есть ли шанс у меня выбраться из

этих казарм, стать свободным, подняться наверх по социальной лестнице? Да кто знает... Может, они как-то выкупаются или же временно отработывают, а потом их выпускают... да мало ли какие существуют у них законы — узнаю язык, сам все точно выясню.

Незаметно я уснул и когда услышал сквозь сон удары — как будто кто-то бил в тамтам или что-то подобное, то решил, что слышу передачу по телевизору. Затем я опомнился: какой телевизор? Жесткие нары, колючий, видимо наполненный соломой, тюфяк, духота под потолком — я в чертовом чужом мире!

Меня кто-то дернул за ногу — спускайся, мол! Я спрыгнул вниз, едва не подвернув голеностоп — проклятая неуклюжесть! — и увидел, что в казарму втягиваются толпы узников — разного возраста, разной комплекции, с зубами и без зубов, со шрамами и без, черные и русые, седые и рыжие — кого только не было... не было только такого придурка, как я, — это было сразу видно по тому, как воззрились на меня большинство из вошедших. Впрочем, это мне показалось, что большинство, основной массе вернувшихся с работы плевать было, что в бараке добавился какой-то толстый белый коротышка, но какой-то части народа хотелось зрелищ и развлечений, и они их получили.

Обступив меня, мужчины стали щипать, трогать, дергать за остатки волос, хватать за нос, пока я не разозлился и не крикнул:

— Пошли отсюда, уроды!

Это еще больше развеселило окружающих, и они начали развлекаться еще более откровенно: один задрал мне повязку сзади и погладил по заду, ужимками откровенно изображая свои гнусные намерения. Этого я не выдержал, схватил ублюдка и оттолкнул от себя. Он пролетел метра два по воздуху и ударился головой о столб, поддерживающий крышу барака, — там и остался лежать, как куча тряпья.

«Что-то я не рассчитал — хлипковаты они тут! — запоздало подумал я. — А ведь все выше меня на голову! Сила тяжести, да, что же еще. По ходу дела я попал...»

Толпа взирала на меня с неодобрением и угрозой, придвигаясь все ближе и ближе. Может, я какого-то их автори-

тета зашиб? Ну а я откуда знаю, авторитет или не авторитет? Не хрена было меня за задницу хватать, что я им, баба, что ли?

Последовали выкрики, потом на меня набросились сразу трое — один ударил в лицо, другие повисли на спине, пытаюсь завалить на пол, — да хренушки вам, доходяги! Я заревел аки медведь, схватил одного из повисших и метнул его следом за угасшим первым придурком, потом второго, а третий, который бил меня в лицо, неосмотрительно оказался в пределах досягаемости моих загребущих менеджерских рук и за то поплатился. Любишь бить в лицо? На! Я зажал его голову под мышкой и долбал кулаком в нос, в глаза, в губы — в общем, куда попало, пока тот не залился кровью и не обмяк у меня в руках.

С удовлетворением я отметил, что кровь у них тоже красная, — почему-то подсознательно я ожидал, что кровь окажется голубой или зеленой, ну инопланетяне же. Вот теперь мне пришлось совсем туго. Толпа, человек двадцать, взревев, набросилась на меня, явно горя желанием отомстить за поругание местных авторитетов, а может, боясь их гнева за то, что все стояли и смотрели, как тех безнаказанно избивали. В общем, меня просто задавили телами, и я ворочался под ними, придушенный и пытающийся уберечь свои правильные нордические черты лица от пинков, укусов и царапаний. Паре человек я точно сломал руки и ноги, в ярости пытаюсь продать свою никчемную жизнь как можно дороже, раз так уж случилось.

Это торжество плоти прервал наряд охранников, обходивших казармы. Послышались тонкие пронзительные свистки дудок, набежало много солдат, которые палками, древками копий, мечами, бьющими плоской стороной, разогнали толпу.

На полу остались только покалеченные мной агрессоры да я, залитый кровью, ободранный, искусанный и избитый. Сознание я не потерял, а после легкого осмотра обнаружил, что повреждения, нанесенные моему телу, не очень велики — не больше, чем в обычной мальчишеской земной драке. Усмехнулся: все-таки как классический попаданец, я

имею преимущество перед аборигенами — ну не маг я и не спецназер, но силы и крепости мне не занимать.

Заметив мою ухмылку, старший наряда со всей дури врезал мне палкой по спине так, что я сразу забыл о своем великом преимуществе над диким народом и завопил диким голосом: «А-а-а!!!» Честно говоря, это было ужасно больно!

Старший, не обращая внимания на мои вопли, стал спрашивать дежурных барака, что здесь произошло, потом осмотрел лежащих. Первый, зашибленный мной охальник, так и валялся с открытыми глазами возле столба — похоже, он свернул себе шею при ударе. Старший отдал распоряжения — раненых подхватили и вынесли из барака, а меня пинками погнали вперед через весь лагерь, опять к командному пункту.

Недовольный начальник лагеря вышел из своего помещения, жуя на ходу кусок мяса, — возможно, я оторвал его от обеда, и это совсем не добавляло ему хорошего настроения. Он выслушал объяснения, угрожающе взглянул на меня, прищурился и что-то коротко выкрикнул, тут же повернувшись и забыв о моем существовании. Если сравнить бифштекс и толстого белого увальня по степени важности — конечно, приоритет за бифштексом, в соотношении один к пяти миллионам.

Меня повели к помосту, возле которого были разложены неприятные на вид предметы — кнуты, плетки, палки. Я понял, сейчас будет очень больно и несправедливо: я же не напал на этих уродов, не приставал к ним, не издевался, почему я должен получить наказание? Этот тип сломал себе шею — и что? Это же случайность! Но нет в мире справедливости — это подтвердил один из охранников, разведя руками и произнеся витиеватую фразу, что-то вроде: мы ни при чем, это начальник велел!

Длинная скамья, на которой, вероятно, можно было наказывать сразу по нескольку человек, была покрыта засохшей кровью, пахнувшей сладким тленом, и лежать на ней было страшно. Я чуть не описался, но сдержался — не пристало земному человеку проявлять слабость перед гнусными дикарями. Эта мысль вылетела у меня с первым ударом

кнута — я визжал, орал, мочился под себя, блевал, заливался кровью, пока наконец благословенная тьма накрыла меня спасительным покровом.

Очнулся я в темноте, в неизвестном месте. Первое же движение причинило мне такую боль, что в голове заплясали красные искры, — что там было на месте моей спины, я не знал, но подозревал, что ничего хорошего там не было. Если судить по тому, что я знал о тропических странах, то жить мне оставалось максимум неделю — пока бактерии, попавшие в мои открытые раны, не сделают окончательно свое гнусное дело и не сожрут мой организм изнутри. В тропиках любая царапина может привести к фатальному результату, а тут превращенная в отбивную, исполосованная до мяса спина.

«Вот тебе и съездил на пикничок», — горько подумал я, и слезы сами собой закапали у меня из глаз. Прежняя моя жизнь менеджера по продажам теперь казалась мне райской, невозможно-недостижимой...

Ночь прошла страшно, мучительно, утро же не прибавило мне оптимизма и радости. Я находился в небольшом бараке, с закрытыми деревянными решетками окнами и дверями — похоже, это была тюремная больница или штрафной изолятор, а может, и то и другое, вместе взятое, — там было несколько десятков людей, и больных, и не очень. Разглядывать барак мне было некогда — надо было скорее подышать, и этим занятием я был сосредоточенно увлечен.

Меня трясло, лихорадило так, что я чуть не подпрыгивал на месте, спину дергало, как раскаленным железом, руки и ноги сводило судорогой. Осознание того, что мне конец, пришло еще ночью, так что неудивительно, что я равнодушно встретил приход того, кто давал здоровье больным в этом мире. Как его назвать? Врач? Хм... можно и так. Но скорее, шаман. Если у человека в носу торчит костомаха, а уши оттягивают здоровенные черные каменюки, каким-то образом вставленные в мочки, — как его еще назвать? Его тело покрывали разнообразные татуировки, изображавшие непонятных зверей и людей в процессе охоты — то ли человека на этих зверей, то ли зверюг на человека.

Шаман внимательно осмотрел меня, выслушав объяснения окружающих, потом задал мне какой-то вопрос, на который я мудро ответил:

— Пошел на хрен, скотина, дай сдохнуть спокойно, уродина татуированная!

Видимо, шаман услышал то, что хотел, удовлетворенно кивнул и сделал знак рукой, после чего достал из мешка за спиной кувшинчик с каким-то резко пахнущим содержимым. На меня набросились сразу четверо узников, прижав к лежанке, а шаман приступил к намазыванию моей спины вонючей зеленой мазью, похожей на слизь. Меня можно было и не держать, потому что я после первых прикосновений потерял сознание от боли и очнулся только тогда, когда в глотку мне полилась горькая пахучая жидкость. Я захлебывался, но глотал — деваться было некуда, нос зажали. После того как было выпито, по моим ощущениям, не менее литра этой гадости, на меня навалилась усталость, и я снова провалился в забытие — наверное, жидкость содержала что-то одурманивающее.

В таком наркотическом дурмане прошла неделя — я просыпался, мне в рот вливали жидкость — иногда горькую, как в первый раз, иногда что-то питательное, вероятно густой бульон или жидкую кашу. Я спал, опять спал, снова спал... в общем, вел нормальную растительную жизнь. Спина уже болела не так сильно, вероятно зажила, и я мог спать не только на животе и на боку, но и на ней.

Наконец в меня прекратили вливать горький отвар, и настал день, когда я спустил ноги с лежанки и попытался сесть.

Голова кружилась, меня штормило, но я удержался, поморгал и постарался сфокусировать глаза. Все, что я видел перед собой четко, это были двухъярусные лежанки, столбы опор, тюфяки — в общем, тот же набор, что и в большой казарме, только размер помещения поменьше. Хотя я же не видел далеко, так что, может, помещение было и гораздо больше...

Рядом со мной кто-то сел на нары, я повернул голову — возле меня находился высокий тонкий мужчина лет тридцати—тридцати пяти, в такой же набедренной повязке, с

небольшой курчавой бородой. Его смуглая кожа отдавала легкой краснотой, как у индейцев, а большие миндалевидные глаза внимательно смотрели на меня.

— Анам ту катан марак? — спросил меня мужчина.

— Не понимаю! — хрипло ответил я.

Мужчина досадливо поморщился, приложил к груди руку и сказал:

— Аркан.

Потом приложил руку к моей груди и изобразил всем лицом вопрос:

— Ту?

— Василий.

— Василай? Василай? — повторил мужчина

— Василий! — кивнул я.

— Василай! — удовлетворенно сказал мужчина.

Дальше все пошло по накатанной — Аркан указывал мне рукой на предметы, части тела и все, что нас окружало, и называл их на языке этого мира. Я старался повторить и запомнить — шло довольно туго, объем информации был слишком велик, да и состояние моего здоровья все еще оставляло желать лучшего. К вечеру я уже мог оперировать парой десятков слов, таких как «идти», «есть», «пить». Кстати сказать, жрать я хотел, как из ружья, — неделя питания одной кашницей да плюс еще и лихорадка — тут поневоле захочешь есть. Я даже в весе убавил — ну не так, чтобы очень, но килограммов десять точно сбросил, и были подозрения, почти уверенность, что толстеть мне тут не дадут.

Аркан притащил глиняную миску с кашей, лепешку, глиняную кружку с водой, и я стал захлеб пожирать густую, пахнущую мясом массу, мало заботясь о ее вкусе и происхождении. Так я еще никогда не был голоден. Ну, хотелось иногда покушать — после гуляния или в обед на работе, но чтобы вот такой всепоглощающий голод — никогда в жизни.

Запив все теплой, отдающей тиной водой, я снова плюхнулся на лежанку, исчерпав остаток сил. В животе бурчала каша, а в голове, сквозь сонный туман мелькали мысли: как быть дальше? Как выжить? Но эти мысли были отодвинуты одной: вначале надо подняться на ноги, поздороветь, полу-

чить информацию о мире, а там посмотрим. Все-таки мои предки были казаками с Дона, неужели я посрамлю их память и дам себя убить каким-то туземцам? Внутри меня вспыхнула ярость, и я решил: выживу во что бы то ни стало и пусть берегутся те, кто будет мешать мне в этом.

Скоро я узнал, чем занимались люди, уходя в лес. А чем можно заниматься в лесу? Вырубкой, конечно. Вот только шла эта вырубка мучительно медленно — у них не было стальных инструментов. Да и вообще никаких металлических инструментов! Весь металл, что я на них видел, употреблялся в виде украшений — медные пластинки, золото и... все. Железа не видал ни разу. А как же мечи? А мечи тоже были деревянными, изготовленными из какого-то дерева сверхтвердой породы, острые, как настоящие стальные.

На моих глазах охранник разрубил голову зверьку, напоминающему небольшую свинью, неожиданно выскочившему на него из зарослей кустарника. Потом он весь день жарил мясо на костре и обжирался, радостно гогоча со своими товарищами-солдатами.

В общем все — топоры, пилы — было сделано из камня. Вернее, так: топоры каменные, с деревянными рукоятями, а пилы — зубья каменные, а полотно деревянное. Впрочем, пилы применялись редко, хотя и имелись. Возможно, их использование считалось непрактичным. Я видел, что их применяли только раз пять — когда рубили особое пахучее дерево с ярко-желтой древесиной. Оно было очень мягкое и рыхлое. Вот его еще можно было как-то пилить, все остальное тупо срубалось каменными топорами — по кусочку, по волоконцу подгрызая лесных великанов. Затем эти стволы тем же варварским и медленным способом разделявали сначала клиньями, потом обтесывали и получали готовые доски, увозимые волокушами в лагерь. Куда они девались потом? Ясно дело: куда-то в города, селения — в общем, куда надо.

Узнал я, кто я тут есть и зачем: тут я, чтобы до конца жизни рубить деревья, делать из них доски, а зовут меня Белый Василай, или просто Белый, или просто Вас. Я раб его великолепия, слуги Ока Машрума Сантанадапия, первого совет-

ника Каралтана, а проще — рабочий скот советника Каралтана, ни больше ни меньше.

В сравнении с условиями на других деревообрабатывающих предприятиях этой планеты в лагере Каралтана они были еще вполне щадящими, даже со своими понятиями о справедливости, ведь меня за убийство и порчу имущества Каралтана не кастрировали и не посадили на кол, как это делалось у других хозяев, а только лишь высекли кнутом. То, что я выжил чудом, никого не волнует, не сдох же?

Как мне рассказали, на мое счастье, в лагерь завернул известный шаман, который направлялся к соседнему помещику для лечения его беременной жены. Он остановился на отдых у начальника и пожелал испытать свое новое снадобье на каком-нибудь подышающем от ран рабе — вот его и привели ко мне. Шаман заинтересовался странным пациентом и оставил запас снадобья для моего лечения. Если бы не его академический интерес, я бы подох на месте. Шаман обещал заглянуть в лагерь через месяца два-три — посмотреть, выжил я или нет.

На работе в лесу я оказался уже через дней десять после порки — раны зажили, силы потихоньку восстановились, так что разлеживаться мне не дали. Штрафной барак оказался более дружелюбным, чем общий, — ни наездов, ни издевательств в мой адрес никаких не было. А может, они узнали, чем закончил последний из тех, кто захотел надо мной подшутить?

Мы ходили связанные по десять человек одной веревкой — типа командой. Подъем с рассветом, завтрак — миска каши, лепешка, вода, потом нас связывали в команды — и в лес. До обеда долбим по стволам деревьев, в обед едим похлебку с мясом, фрукты, неизменную лепешку — их привозили на чем-то вроде волокуш, в деревянных котлах, потом до вечера опять долбим деревья, и так каждый день, каждый день, каждый день... за вычетом одного дня в неделю. В этот день мы занимались уборкой лагеря, стиркой своих нехитрых пожитков и отдыхом.

Не могу сказать, что кормили нас плохо, — рачительный хозяин заботится о своей скотине. Не будешь кормить — передохнут. А рабы стоят денег, надо за живым товаром от-

правлять экспедиции в леса, плыть через море, надо покупать их на рынке, — не проще ли этих содержать более гуманно, нормально кормить.

Через месяц я уже сносно общался со своими товарищами по несчастью — метод погружения всегда способствовал быстрейшему изучению языка. Жрать захочешь — на любом языке залопочешь. Язык Машрума напоминал что-то вроде смеси языка ацтеков и суахили — это я могу утверждать с полной ответственностью, так как поймать меня на вранье некому, ни одного землянина на этой планете больше не было. Языка ацтеков и суахили я не знал никогда, да и знать не хочу, а вот язык Машрума выучить пришлось.

В штрафном бараке содержались все, чье поведение вызывало опасение, однако убивать их было нецелесообразно. Как правило, бунтари были сильные и крепкие рабы — и что с того, что они постоянно хотят кого-то прибить или сбежать на волю? На то есть солдаты, чтобы следить за порядком, иначе за что они жалованье получают.

Некоторые из моих «коллег» пробовали бежать по три-четыре раза, за что были так сильно покалечены, что жить им помогала только их несгибаемая вера в освобождение и ненависть к хозяевам. Они лелеяли мечту вырваться и потрогать башки всем солдатам и охранникам лагеря, а также работоторговцам, которые их силой и обманом сюда засунули.

Выяснил я устройство этого мира, насколько мог. Этот мир назывался Машрум, что в переводе... правильно! Мир!

Материк, на котором я сейчас отбывал срок за свою похотливость (не побежал бы в кусты с Катькой, не попал бы в беду), назывался Арканак — так же, как и государство, в котором я имел честь быть рабом. Во главе его в настоящий момент стоял Око Машрума Сантанадания — что-то вроде императора или султана. В тонкости я не вдавался, но было понятно, что Арканаком управляют несколько знатных семейств — около пятидесяти, из числа которых и выбирают Око Машрума. Название громкое, но на самом деле это что-то вроде президента, выбранного, правда, пожизненно, а семейства — не что иное, как прототип парламента. Каждое имеет там один голос, а место передается по наследству. Какой-то кастовой системы я не уловил. В принципе любой

житель страны мог стать и жрецом и солдатом — по мере сил и ума, а также наличия денег. В остальном — и какие-то законы были, и жизнь шла, вот только одно «но»: вся система была построена на труде рабов, которых тащили откуда придется — ловили прохожих, нападали на другие страны, использовали заключенных, разводили, как скот, — в общем, обыкновенный рабовладельческий строй. Металлы тут считались огромной ценностью, то-то они набросились на мои очки — дужки-то были металлические! Я столько не стоил, как раб, сколько стоили мои очки.

Товарные отношения строились или на обмене чего-то на что-то, или же ходили деньги, сделанные из раковин, с вырезанными на них значками, изображавшими номинал монеты. Как-то я спросил своего напарника во время обеда: «А почему никто не наладит производство этих денег? Так просто — сиди и вырезай эти монетки из раковин, и другой работы не надо!» Он посмотрел на меня как на умалишенного и сказал, что, во-первых, так и делают особо отчаянные люди, но если их ловят — а в конце концов их все равно ловят, — то самое меньшее, что с ними делают, — кастрируют и сажают на кол. Самое большее — тут уже вариантов много, и все какие-то неприятные, а главное — очень болезненные. Изготовление денег — прерогатива государства, и никто сам по себе не может их производить.

Были и металлические деньги — золотые и серебряные, но они имелись только у очень богатых людей и отличались огромным номиналом — за сотню золотых монет можно купить целое поместье с сотнями гектаров земли и несколькими сотнями рабов. Сами золотые монеты при этом были размером не больше ногтя большого пальца, и одна такая монета стоила сто тысяч монет из раковины.

Ходили легенды о металлическом оружии — обычно оно было у эпических героев и больше носило ритуальный характер, в быту же применялись или деревянные, или кожаные мечи, ножи, кинжалы. Я вначале тоже удивился — как это, кожаные мечи? Оказалось, эти мечи делались из специальной, особо выделанной кожи, которая проклеивалась смолами некоторых деревьев, растущих в глубине джунглей. Смола проходила после проклейки термообработку, и в

результате заточки получались острейшие мечи, крепостью не уступавшие клинкам из железного дерева, но более легкие и острые. Доспехи тут тоже были деревянные — из пластин растения вроде бамбука. Их изготавливали из его древесины, так же проклеивали, соединяли ремешками — я прикидывал, эти доспехи должны были быть очень, очень эффективны против деревянных мечей.

Главный вопрос, который меня интересовал: есть ли у меня шансы вообще освободиться от рабства, стать полноценным свободным гражданином? Оказалось, что у такого, как я, шансов практически нет. Меня никто не выкупит, не обменяет на своего друга или родственника, сам я тоже не смогу выкупиться, так что есть только два варианта: или хозяин меня отпустит на все четыре стороны (а на черта это ему надо?), или же я сбегу, устроюсь где-то и начну свою жизнь сначала. Как я уже упоминал, некоторые пытались убежать по три-четыре раза...

Вот в такой обстановке я и начал свою жизнь на планете Машрум...

ГЛАВА 2

Как-то вечером ко мне на лежанку подсел Аркан. Он начал издали: поинтересовался, как у меня самочувствие, как я втянулся в работу, не надо ли сменить солому в тюфяке... наконец я не выдержал и спросил:

— Аркан, что случилось? Чего это я стал предметом такой повышенной заботы с твоей стороны? Что ты хочешь?

Он помялся, потом выдавил:

— Не мое дело, но слышал я краем уха, что тебя хотят замочить — ты же убил их главаря, Таноаса, а он пользовался большим авторитетом, да еще покалечил его помощников. Тебе надо остерегаться в лесу. В лагере они не решатся, а вот в лесу... в лесу — кто знает, откуда прилетит заостренная палка. Охранники не будут раздувать дело, если тебя грохнут, — скажут, что упал на ветку и умер, иначе их накажут за то, что не уследили. И рабы не рискнут поднимать шум, им

это тоже не надо. Если сдадут охранников, те потом им припомнят, превратят жизнь в ад. В общем, будь внимательнее.

— А почему ты решил предупредить меня? — настороженно спросил я, всматриваясь в лицо барачного завхоза.

— Честно — сам не знаю, — развел руками Аркан. — Есть в тебе что-то такое, сам не могу понять что. Есть у меня дар предвидения, от бабушки моей достался, шаманка она была, иногда вижу будущее. Так вот, кажется мне, что наши с тобой судьбы связаны, и если ты умрешь, мне тоже будет не сладко. Хочешь верь, хочешь не верь...

— Скажи, Аркан, а в этом мире есть магия? Ну, есть люди, которые скажут какие-то слова, и совершаются какие-то действия — огонь загорается или еще что-то происходит? — Ранее я уже рассказал Аркану, что попал сюда из другого мира. Поверил он или нет, не знаю, но говорить о чем-то стало легче, можно было оправдать свое незнание простых вещей, известных каждому человеку на Машруме.

— Есть, конечно. Вот шаманы этим и занимаются. Только у нас это называется не магия, а шаманство. Только шаманство делается не с помощью слов. Они что-то делают руками, глаза таращат, и что-то случается... или не случается. Я с этим близко не сталкивался — меня еще пацаном украли рабовладельцы и вывезли с соседнего материка, Арзума, экспедиция по поимке рабов на меня наткнулась, когда я шел купаться вместе с остальными ребятами. Часть детей наши мужчины успели отбить, а меня уволокли на корабль — вот с тех пор тут и обитаю, уже двадцать лет. Так что особой помощи я тебе в раскрытии секретов шаманизма не окажу, сам ничего не знаю. Не успела бабушка меня ничему обучить.

— Скажи, а ты не пробовал убежать отсюда?

— Тсс! Ни с кем не говори на эту тему — продадут на раз. Нет, не пробовал. А куда? Куда я побегу? У меня в этой стране ни родни, ни друзей. Куда мне бежать? Поймают сразу, спрятаться негде — ни денег, ни связей. Сейчас я уважаемый среди рабов человек — завхоз, в лес работать не хожу, по нашим меркам, занимаю высокое положение. А если поймают, я лишусь своего места, буду лес валить. Да еще и после сорока ударов палками — редко кто такое выдерживает и не умирает.

— Ладно. Вернемся к главному вопросу. Как мне избежать смерти от рук мстителей? Есть какая-то возможность? Может, поговорить с ними — мол, я не виноват, это случайность?

Аркан изумленно воззрился на меня:

— Ты что, правда такой наивный и глупый? Законов не знаешь? А! Ты же не из нашего мира, вспомнил. Как глаза от тебя отведу — забываю, ты уже лихо по-нашему говоришь. Итак, о законах: они обязаны отомстить за своего пахана, иначе потеряют авторитет. Или они погибнут, или убьют тебя. Другого не предвидится.

— Ты меня просто обрадовал, — грустно усмехнулся я. — Значит, мне надо их всех убить? Или бежать. Только вот как я до них доберусь, когда я не знаю их лиц, не знаю, кто они, сколько их, я же привязан веревкой к девяти компаньонам?

— В общем, так: через неделю всех, по очереди, начнут отводить в соседний женский лагерь для случки. И там...

— Для случки?! — Я поперхнулся и перебил Аркана: — Какой такой случки? Как животных, да? Женский лагерь рядом?

— Не перебивай, слушай! — нахмурился Аркан. — Для случки, да. А ты думаешь, откуда рабы берутся? Не всех же ловят на улицах и в лесу... есть и рожденные рабами, и таких большинство. А как их разводить? Вот в два месяца раз мужчин и водят в женский лагерь, тем более что это хороший способ поощрить или наказать. Будешь хорошо себя вести, поведут к бабам, плохо — сам себя обслуживай. Так вот, единственный реальный способ бежать — по дороге из лагеря. Именно *из* женского лагеря, а не наоборот — охранники тоже там оторвутся с бабами, будут расслабленные и довольные, как и остальные заключенные, — вот тут и самое время бежать.

— А веревка? Нас же на веревке водят по десять человек! Как я сбегу, если привязан?

— В женский лагерь водят без веревки. Считается, что охраны много, сбежать невозможно, а веревка снижает скорость движения, потому веревки не будет. И погонятся за тобой только человека два-три самое большее — остальных

тоже ведь не бросишь, а то разбегутся. Вот тебе и шанс вырваться на свободу, если, конечно, сможешь уйти от трех солдат и не сгинуть в болотах.

— А куда мне идти потом, если я все-таки оторвусь от погони?

— Смотри. — Аркан стал рисовать пальцем ноги на полу. — В пятидесяти километрах от нас, вниз по реке, есть город, называется он Скарламон. Он находится на берегу бухты, в месте, где река вливается в Канасаническое море. Это довольно большой город, тысяч сто населения. Тебе надо пробраться в порт и попытаться устроиться матросом на любой из кораблей, лучше на какую-нибудь из небольших шхун — они промышляют чем угодно, часто контрабандой. Если договоришься с капитаном, возьмут матросом. Хоть ты и не такой белый, как был тогда, когда тебя привезли сюда, уже загорел на солнце, и волосы отросли, но все равно ты отличаешься от местных жителей, как белая птица в стае радужных, — низкий, массивный. Искать тебя будут точно, а значит, надо уйти отсюда подальше. Ну а там... там как судьба тебе даст, и насколько у тебя хватит ума выжить в этом мире. Знаю, что ты не так безобиден, как выглядишь... да и будущее у тебя странное: я видел кровь, видел смерти... но твоей смерти в ближайшее время не видел. Только еще тебе скажу: если тебя догонят и ты им скажешь, кто тебе посоветовал поступить именно так, как ты поступил, ты убьешь меня так же верно, как если бы ударил мечом по горлу, понимаешь?

— Чего уж не понимать, — хмыкнул я, — буду умирать молча. Сомневаюсь, что уйду от тренированных солдат, при моей-то комплекции и неуклюжести.

Аркан с интересом посмотрел на меня:

— Ты что, и правда считаешь, что являешься таким неуклюжим увальнем, как говоришь? Ты поднимаешь такой вес, который не могут поднять двое крепких мужчин, двигаешься иногда так быстро, что размазываются движения, глаз не ловит, тебя боятся почти все отморозки, даже из штрафников, — тот, кого ты прикончил, был одним из самых опасных людей этого лагеря, быстрый и сильный убийца. Может, ты просто придуриваешься? Да вроде нет... Странно. Кто вбил

тебе в голову мысли о твоей неполноценности? Или у вас такие все богатыри, что на их фоне ты выглядишь увальнем? Тогда ваш народ состоит из по-настоящему великих бойцов.

— Не будем обо мне, — смутился я. — Лучше расскажи, что меня может ожидать в джунглях, какие опасности, чего остерегаться? Я ничего не знаю ни об этом мире, ни о джунглях.

— А о джунглях до конца никто ничего не знает... ну, может, кроме диких племен, но они живут в самой глубине лесов, за болотами, и мы почти с ними не соприкасаемся. Хотя... в джунглях и их можно встретить. Если такое случится, нельзя делать резких движений, громко кричать, демонстрировать угрожающие жесты — они реагируют сразу и мгновенно выпускают отравленную стрелу из лука или трубки. После того как она в тебя попадет, жить тебе — десять минут. Дикари небольшого роста, даже ниже тебя, похожи на детей. Ходят в джунглях абсолютно бесшумно, где живут и куда исчезают — никто не знает. Но не их тебе надо опасаться, они все-таки люди, с ними можно договориться, а вот в реку не лезь — она кишит чудовищами, для которых ты желанная закуска. В лесу обходи все подозрительное — очень красивые цветы, странные деревья, необычные кусты. Положись на свои чувства: если что кажется странным, отбегай. Не пей воды из луж — только из лиан, я попрошу парней показать тебе, из каких можно пить, а из каких нельзя. Ешь только те фрукты, которые тебе известны, а если известных нет — попробуй маленький кусочек и подожди полчаса. Если за это время тебя не пронесет или не вырвет, значит, можно есть. Впрочем, лучше было бы просто потерпеть с едой — твоего запаса жира хватит надолго. Хотя... ты сильно похудел, работа с топором тебе только на пользу. — Аркан усмехнулся и внимательно оглядел меня. — Худым, как мы, ты никогда не будешь, но вот толстым — тоже вряд ли.

— И все-таки, Аркан, почему ты решил меня спасти? — Я уставился в глаза завхозу. — Близкими друзьями мы с тобой никогда не были, ты меня едва знаешь, почему ты вдруг доверился мне?

Аркан помолчал, заметно смутился и нерешительно сказал:

— Только не смейся. Мне бабушка сказала, чтобы я тебе помог.

Я раскашлялся — заявление завхоза было настолько неожиданным и странным, что я чуть не расхохотался в голос:

— Бабушка? Каким образом? Ты о чем говоришь?

— О своей бабушке. Я уже тебе говорил, что она шаманка. Иногда я вижу ее во сне, и она дает мне советы, как правильно сделать то-то и то-то. Она сказала мне, что моя судьба связана с тобой и я обязан тебя спасти. Бабушка еще ни разу не ошибалась, она всегда славилась как великая провидица.

— Если она такая великая, чего тебя-то не уберегла от работорговцев? — недоверчиво спросил я.

— Не знаю, — грустно и задумчиво протянул Аркан, — у шаманов свои дела. Может, мне так было назначено судьбой, чтобы я тебя встретил через двадцать лет рабства. Бабушка? Да что бабушка... прежде всего она шаманка. Двадцать лет... ну да ладно — речь не обо мне. Ты все усвоил по поводу ситуации?

— Вроде ясно. И ничего не ясно. Когда, говоришь, поведут на случку?.. Тьфу, слово-то какое! Противно!

— Мне тоже вначале было противно... а потом стал ждать этого дня. А куда деваться, — виновато развел руками Аркан, — мы же все-таки мужчины. Конечно, можно найти себе партнера среди рабов... но мне лично претит это дело. Надеюсь, как и тебе...

— Само собой! — сплюнул я. — Думаешь, за что я этого кадра прибил?

— Ну вот и ладно. Отдыхай. И берегись в лесу неожиданностей. — Аркан хлопнул меня по плечу и ушел на свое место, а я улегся на тюфяк и задумался.

Почему-то рассказ Аркана меня не удивил. Все мы, русские люди, так или иначе соприкасались с лагерной тематикой и заключенными: песни о тюрьмах (ненавижу тюремный шансон), рассказы, жаргонные и блатные словечки, так называемые «понятия» — все это вьелось в кровь, так что я

ожидал чего-то подобного и больше был удивлен не тем, что мне объявили «вендетту», а что они так долго ждали.

Но и это было объяснимо. Я их хорошенько покалечил, сломал руки и ноги, поэтому им тоже нужен был период для восстановления, да и если вспомнить фразу одного из итальянских донов: «Мечь — это то блюдо, которое нужно есть холодным», то многое встанет на свои места.

Жаль, что я не знаю их лиц, поубивал бы к чертовой матери...

Я усмехнулся. Что сделалось с представителем офисного планктона Василием Звягинцевым? Куда делся этот рыхлый кусок поролона, плывший по течению двадцать пять лет? А что делать? Засунь вас в рабские казармы, поставь под угрозу смерти — не так еще начнете думать! Только вот и лица этих врагов мне бы ничего не дали, прав Аркан, единственный способ спастись — бежать.

Ну вот, к примеру, поубивал бы я часть супостатов, а у них еще есть друзья, они опять начали бы мстить, и процесс этот бесконечен. А хозяева? Что, они будут спокойно смотреть на то, как я уничтожаю их имущество? Короче говоря, раз увернулся от попытки убить, два увернулся, сорок раз... а на сорок первый грохнут, вот и все. Да и на свободу хочется выйти. Только вот я смутно представляю, как я буду жить в этом мире. Что я умею делать? Долбить каменным топором по стволам деревьев? Поднимать тяжести? Грузчиком в порт идти? А что, тоже вариант. Ладно, там посмотрим, надо еще выбраться отсюда, не погибнуть в лесу, добраться до города. Чувствую, что это будет очень, очень сложно.

Неделя до «дня случки» прошла спокойно, если не считать того, что я чуть не погиб в болоте. Можно было бы счесть это случайностью, но после рассказа Аркана я уже во всем видел руку врага.

Вот как это было. Через три дня после нашего разговора я, до того предельно осторожный и подозрительный, слегка расслабился: покушений нет, ничего не происходит — любой человек решит, что все в порядке и нечего бояться. И вот как-то раз наша цепочка тянула здоровенную ветку, только что отрубленную от гигантского ствола. Я, как обычно,

шел предпоследним в связке, таща это корявое бревно наравне с остальными девятью своими соратниками. Под ногами чавкало болото, и если бы не ременные завязки, которые фиксировали мои деревянные сандалии на ноге, обвиняя икры ног, обувь давно бы осталась в черной вонючей жиже. Одно место было особенно топким, его обходили стороной, осторожно шагая по краю заросшей зеленой ряской лужи.

Неожиданно я почувствовал, как ствол дерева у меня на плече резко потяжелел, как будто сила тяжести увеличилась раза в два. Я напрягся и постарался удержать дополнительный вес, что вначале мне удалось, хотя для этого пришлось остановиться. Встала и вся цепочка. Я попытался посмотреть, что там случилось, и внезапно получил удар под колено, причем той ноги, которая была ближе к участку с трясинной.

Как потом объяснял виновник происшествия, сосредоточенно прятавший глаза во время рассказа, он увяз в болоте, споткнулся и повис на бревне, которое мы тащили.

Вытянув из трясинной свои ноги, он попытался встать, но поскользнулся на гнилой ветке и случайно подбил мою ногу. Как бы то ни было, но я свалился, потянув за собой всю цепочку рабов.

Ощущение было отвратительное. Погрузившись с головой в вонючую черную жижу, я рефлекторно попытался вздохнуть и с трудом заставил себя успокоиться. Воздуха, что был в моих легких, вполне хватит на несколько минут, где-то сверху лежит бревно, которое нужно нащупать руками, да и цепочка не оставит меня в трясине — сейчас же вытянут. Так оно и случилось — веревка натянулась, и меня стали вытаскивать наверх, сдирая кожу с ноги. Вот только эффект это вызвало противоположный — нога подымалась к поверхности, погружая в трясину мою голову. Я понял, что сейчас меня нормально утопят, и, как всегда в критических ситуациях, меня охватила ярость: а вот хрен вам! Я уцепился руками за веревку, перехватил, ощущая, как в висках стучит кровь, — перед глазами уже плавали багровые круги, еще немного, и я или потерял бы сознание, или вдохнул эту грязную жижу, — и вытолкнул себя наверх, к ство-

лу, лежащему поперек трясины. Нащупав руками шершавую кору, я рванулся вверх и... хлоп! — выставил на воздух заляпанную, покрытую ровной грязевой коркой физиономию.

Вероятно, кто-то был очень разочарован таким результатом. Ну что тут поделаешь — не все получается, как мы хотим, а убить Белого Васа не так просто... Было ли это случайностью? Не верю. Слишком много совпадений. Бить этого придурка я не стал, но теперь утроил осторожность, так что до дня «икс» ничего со мной больше не случилось.

Это был выходной день — просто так совпало. Наш штрафной барак в полном составе отправлялся в женский лагерь. Перед этим все сосредоточенно отстирывали свои набедренные повязки, мыли голову, отмывали свои тела. Как ни странно, собрались идти и те, кому женское общество, казалось бы, и не совсем необходимо. Гомосексуалистов тут хватало, и это понятно — десятки лет в мужском обществе, без женщин, да еще в атмосфере насилия... Потом я понял, почему и они с удовольствием шли к женщинам — все какое-то разнообразие, новые впечатления, новая информация, как поход на танцульки, если сравнивать это с Землей.

После недолгого завтрака нас построили и, окружив стражей — человек двадцать с луками, копьями, мечами, — вывели из лагеря. Я внимательно присматривался к охранникам — очень уж не понравились мне их луки, они напоминали те, что я видел на картинках в Инете — кривые штуки со множеством изгибов, сделанные из кусков кости и дерева.

Эти луки хранились в специальных чехлах. Откуда-то из глубин памяти у меня всплыло: чехлы назывались горитами. Луки очень походили на те, что были у земных скифов, и я помнил, что они при небольших размерах — до семидесяти сантиметров в длину — отличались огромной мощностью. Так-то мне было наплевать на эти луки, если только не вспомнить, что стрелы, выпущенные из них, вполне могли пробить некоего офис-менеджера навывлет. Ну, может, и не навывлет, но от этого не легче. Кроме луков, как я с печա-

люю отметил, у каждого имелось несколько отвратительно острых метательных предметов, именуемых дротиками...

В общем, моя задача не была легкой, это я увидел воочию. Мне предстояло пробежать, петляя, около пятидесяти метров до леса, укрыться в нем от летящих стрел и дротиков, а потом, пользуясь только чутьем и удачей, выйти к городу, который отсюда находился километрах в сорока. И это человеку, для которого выезд на пикник с шашлыками был на уровне путешествия за три моря... Кошмар!

По дороге я внимательно осматривался, наблюдая за поведением охранников, и увидел, что они все были настрожены и готовы к любым гадостям. Рабов было человек сто пятьдесят, и если бы все сразу кинулись в лес, то точно ушли бы от солдат... большая часть, остальные полегли бы. У охранников луки были вынуты из горитов, стрелы наложены на тетиву — а то, что они умеют пользоваться своим оружием, я видел полчаса назад, когда солдат сбил стрелой зверька с дерева за сто метров от нашей колонны. Мне кажется, что он это сделал нарочно, чтобы продемонстрировать: вот что будет с каждым, кто решится бежать. Пришлось поверить Аркану и отложить побег на обратную дорогу.

Поход к женскому лагерю занял около трех часов — по прикидкам, до пункта нашего назначения было километров пятнадцать, шли мы очень быстро.

Лагерь открылся с возвышения. Он, как и наш, стоял на плоской равнине. Как я узнал у «старожилов», рабыни там занимались ткачеством, выделкой кож и шитьем, не считая производства новых рабов, — живот же не мешает женщине шить тунику или набедренную повязку.

Фактически это была ферма, специализирующаяся именно на производстве новых рабов, причем производители постоянно менялись, чтобы улучшать породу. Обычно для случки подбирали самых сильных и крепких, но велось и несколько линий. К примеру, была и такая — красивых рабов спаривали с красивыми рабынями, чтобы на свет появлялись невольники для утех и работы в качестве домашней прислуги. Хозяева желали иметь красивый рабочий скот, а также сильный и выносливый.

Я, конечно, вряд ли попадал в графу «красивый производитель», скорее в разряд сильного скота, поэтому ничего особо интересного не ожидал. Да и противно все это было. Хотя в моем теле и кипела нерастроченная мужская сила, но мысль о том, что придется совокупиться с неизвестной женщиной, через которую прошли многие мужчины, не способствовала одобрению этой затеи. А вдруг она от меня забеременеет? И мои дети всю жизнь будут рабами на этой хреновой планетке?! От этой мысли делалось тошно. Все мое цивилизованное воспитание, все мои гены свободолюбивой казацкой донской вольницы протестовали против такого порядка вещей. Если я вырвусь из этого дерьма, сделаю все, чтобы помешать рабовладению!

Широкие деревянные ворота тяжело, со скрипом, открылись, и мы вошли на территорию лагеря. Особого ажиотажа не виделось — похоже, здесь привыкли к приходу партий мужчин. Нас провели к зданию в центре лагеря. Это был огромный барак, длиной метров двести, не меньше.

По дороге мои сотоварищи рассказывали, что в этом бараке огромное количество, не менее тысячи, комнаток, в которых, собственно, и происходит все действие. На все про все нам отпускалось два часа. За это время мы имели право зайти в любую комнатку и вступить в контакт с женщиной, которая в ней находилась, а в знак того, что там не идет процесс соития, на двери вешивался засохший кукурузный початок... что-то вроде фаллического символа.

Посреди барака тянулся длинный коридор, терявшийся вдали, он освещался окошками, сделанными под потолком. Мне почему-то казалось, что женщины в этом лагере должны быть зашуганы. Сидит, мол, такая рабыня и все время плачет, ожидая, когда придет производитель и овладеет ею под всхлипывания и причитания о несчастной жизни. Все оказалось не совсем так, а вернее, совсем не так.

Когда я в числе претендентов шел по коридору мимо «кабинетов», неожиданно дверь одного из них распахнулась и довольно крепкая рука втянула меня внутрь. Я оказался перед светлыми очами женщины лет двадцати пяти—тридцати, довольно миленькой, но выше меня более чем на полголовы.

Вообще-то я уже стал привыкать, что все вокруг выше меня. Большие размеры местных обитателей, а также животных и растений, конечно, объяснялись условиями гравитации — все тянулось ввысь, зато и кости живых существ, и древесина были менее прочны, чем на Земле. Природа практична, зачем тратить больше ресурсов на укрепление плоти, когда можно обойтись гораздо меньшим количеством материала.

В общем, все люди, которых я видел в этом мире, отличались высоким ростом и довольно субтильным телосложением. Если у мужчин это смотрелось как-то... по-женски, то у женщин... судя по тому экземпляру, что стоял передо мной, это выглядело прелестно.

Стандартная набедренная повязка и что-то вроде короткого топики прикрывали ее смуглое тело, а немного раскосые большие серые глаза с интересом рассматривали мое приземистое массивное тело.

— Привет, белый! — со смехом поприветствовала меня эта «подиумная» модель. — Наконец-то я выцепила что-то интересное, а то одни и те же, одни и те же! Ты откуда такой взялся? Иди сюда, садись на лежанку, знакомиться будем! Или ты сразу готов перейти к делу? О-о-о! Вижу — уже готов! А чего остолбенел? Ну-ка иди сюда, времени не так много, а тобой еще моя подружка заинтересовалась, Синига, она тебя в щелку видала, когда вас по полю вели. Как я ловко тебя выдернула! Ай да я, ай да молодец!

Все это девушка выпалила скороговоркой, не дав мне сказать ни слова, затем в считанные секунды она ободрала меня, как капустную кочерыжку, сорвав набедренную повязку и плюхнув на лежанку. Вот не думал, что со мной так легко сладить какой-то девчонке... Впрочем, я и не сильно сопротивлялся... два раза.

Потом мы лежали рядом, в испарине, довольные друг другом.

Как всегда, после этого дела меня потянуло поговорить:

— Скажи...хм... как тебя звать-то? Карана? Карана, у тебя много мужчин было?

Девушка хихикнула, поглаживая мне живот:

— Глупый! Я что их, считала? У меня уже трое детей есть, удачно зачатые. Вообще-то я из рабынь для прислуги, сюда недавно попала. Провинилась, разбила хозяйскую посуду, вот они сюда меня и засунули, типа в наказание, вместе с подружкой моей, Синигой. Кстати, я бы, конечно, еще с тобой покувыркалась. Но как подружку обидеть? Давай, собирайся с силами, скоро к ней пойдешь.

— А надо? Мне и тебя хватит.

— Да-а-а? А может, и правда ну ее, эту Синигу? Так вот, здесь даже лучше, чем в семье хозяина, веселее — много мужчин, много женщин, а там — шаг не сделай, хозяйка лупит все время. Я красивее ее в сто раз, вот она и ревнует, стоит хозяину позвать меня к себе в постель. Хозяйка потом лупцует, якобы за какие-то провинности, грязная карга. Сама разбила посуду и на меня свалила — в отместку. А тут не так уж плохо.

— А то, что ты рабыня, тебя не угнетает? Неужели на свободу не хочется?

— А я другой жизни не знаю — я так и родилась рабыней. Как вошла в возраст — с мужчинами стала спать. Если я выйду на свободу, куда я пойду? Что буду делать? Спать с мужчинами, пока им меня хочется, в публичный дом. Так чем жизнь на свободе отличается от моей здесь? Тем, что там еще и голодать можно, а тут всегда накормят, дадут одежду, дадут мужчину, чтобы с ним спать. Тем более что после смерти, если я буду правильно себя вести и не нарушать законов, я могу возродиться уже той же хозяйкой поместья с множеством слуг, и тогда сама буду помыкать рабами. Наша жизнь тут временная — так говорят жрецы, у нас множество циклов перерождения, и если вести себя хорошо, можно возродиться богатой и успешной.

Я задумался — вот те раз! — это все ведь напоминает индийские верования. Перерождения, карма — очень удобная религия для поддержания порядка в государстве. Сегодня ты раб, а завтра богатей. Очень, очень удобная религия. Хорошо они промывают мозги согражданам...

— Ну так что, беленький, продолжим? Тебе помочь?

И она помогла...

Два часа пролетели как одна минута.